

индивид оказывается простым вместилищем общественного». Далее Валлон отмечает, что в рамках самого социологического подхода необходимость преодолеть радикальность «коллективных представлений» Э. Дюркгейма нашла свое выражение в идеях Гальббакса, но подлинная эволюция идей социологического подхода реализуется концепцией Шарля Блонделя о сознании, в которой он пытается разграничить два в одинаковой мере важных фактора: психологический и общественный.

Анализ идей представителей французской социологической школы Дюркгейма приводит Валлона к заключению, что сделанное ими в отношении интерпретации сознания оказывается односторонним. В отличие от них, Валлон и Рубинштейн приступают к изучению сознания с новых методологических позиций, требующих рассмотрения данной проблемы на фоне исторического развития психики. Валлон излагает свою позицию в работе «Биологическая проблема сознания» (Wallon, 1930), а Рубинштейн – в «Основах общей психологии». Аналогичность их выводов выявляется наилучшим образом при изучении соответствия психической эволюции животных организмов и эволюции нервной системы. Определенное сходство можно заметить даже в оглавлениях соответствующих работ. Так, например, в вышеуказанной статье Валлон пишет о психике и жизни, а Рубинштейн называет одну из своих статей, посвященных филогенезу психики, «Образ жизни и психика».

Понимание развития психики как результата эволюции животных видов и, в частности, развития нервной системы приводит Валлона и Рубинштейна к необходимости выяснения взаимоотношений между психикой человека и функционированием ЦНС. Разработка этой проблемы оказалась одной из продуктивных возможностей на пути преодоления психофизического параллелизма. В связи с разработкой психофизиологической проблемы Рубинштейн приходит к определению психического в формулировке, ставшей известной в российской психологии советского периода как принцип детерминизма.

В отличие от Рубинштейна, Валлон не сформулировал выводов в виде специального методологического принципа, но они выражены у него достаточно четко в исследовании онтогенетического развития психики человека (Валлон, 1968, с. 44; Wallon, 1984, р. 7). Валлон и Рубинштейн убедительно показали, что в плане филогенеза психики в эволюции человеческого организма невозможно свести психическое к «данному сознанию» и что сознание оказывается результатом эволюции форм психики, связанных с определенными органическими предпосылками.

ЛИТЕРАТУРА

- Валлон А. Психическое развитие ребенка. М., 1968.
Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.
Wallon H. Le probleme biologique de la conscience // Traite de la psychologie. Paris, 1930.
Wallon H. L'enfant turbulent. Paris, 1984.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАК СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

И. Маркова

Теория познания Рубинштейна

Теория познания Рубинштейна и теория социальных представлений имеют ряд общих философских предпосылок, однако их разработка ведется применительно к взаимодополняющим, комплементарным аспектам действительности. В настоящей статье будут рассмотрены общие философские предпосылки обеих теорий, а также комплементарные сферы их приложения.

По своей гносеологической позиции Рубинштейн изначально был гегелианцем, но он разрабатывал гуманистическую концепцию человека (Рубинштейн, 1957, 1958; Брушлинский, 1994; Маркова, 1982, 1990). В своей теории он подчеркивал роль человека и его деятельности; его особый интерес был направлен на субъект-объектное взаимодействие как специфическую характеристику мышления и деятельности человека. Он рассматривал мышление как деятельность субъекта, включающую процессы анализа через синтез и обобщения. Эта деятельность формируется и, в свою очередь, формирует социокультурную среду индивида. Следовательно, существует взаимозависимость между внешними условиями (объектом) и внутренними условиями (субъектом). Эти отношения устанавливаются до рождения ребенка; еще в своем эмбриональном состоянии он является «социальным» существом, поскольку обладает потенциальной возможностью стать «социальным». В этом смысле теория Рубинштейна предвосхищает взгляды современных исследователей (Trewarthen, 1979; Newson, 1979). Как подчеркивает А. Брушлинский, с 1917–1922 годов до конца жизни Рубинштейн был поглощен разработкой принципа детерминизма, то есть проблемой опосредования внешнего мира (объекта) внутренними условиями, способностями субъекта (Брушлинский, 1994). Важно отметить, что теория деятельности Рубинштейна затрагивала не только воздействие взрослого на ребенка, но и обратное воздействие ребенка на взрослого (Рубинштейн, 1986).

Теория познания Рубинштейна предполагает, что для развития способности к независимому мышлению ребенок должен освободиться от ограничений социального окружения. Образование и научные понятия способствуют развитию независимого мышления, критического суждения и уверенности в себе. Подвергая сомнению существующие социальные явления и обсуждая их, индивид сознательно ставит их в центр своего внимания. В результате он оказывается вынужден выражать свои мысли более ясно и осознавать те «автоматизмы» мышления, которые он усвоил с самого рождения, спонтанно и неосознанно. Сходным образом Д. Мид утверждал, что в тех случаях, когда привычная деятельность внезапно прерывается или нарушается, возникает рефлексивное мышление (Mead, 1934). При рефлексивном мышлении индивид подвергает сомнению то, что прежде казалось онтологически данным. Он анализирует и реконструирует существующие понятия и создает новые, и в этом процессе приобретает новые понятийные навыки. Процесс построения познания обычно описывается (психологически и педагогически) как «понимание», «схватывание», «усвоение» и другими когнитивными понятиями. Результат этого процесса оценивается в педагогике как способность индивида дать ясное и полное определение некоего явления.

С точки зрения Рубинштейна, рефлексивное мышление возникает в проблемной ситуации (Рубинштейн, 1957). В своем эмпирическом труде «О мышлении и путях его исследования» он показал, что мышление движется от нерефлексивного к рефлексивному (Рубинштейн, 1958). Рефлексивную теорию познания Рубинштейн называл, исходя из гегелевской диалектики, «революцией Коперника», что означает, что теория познания Канта не заслуживает названия «рефлексивной». Рубинштейн показал, что вербальная формулировка и способ предъявления проблемы индивиду отчасти определяют подход индивида к решению этой проблемы. По его утверждению, словесное формулирование проблемы является «живым свидетельством единства мышления и языка» (там же, с. 77). Одну и ту же проблему можно сформулировать разными способами и, соответственно, различные формулировки будут направлять внимание субъекта на различные аспекты и взаимосвязи между элементами задачи. Когнитивная дифференциация вырастает, таким образом, из нерефлексивного мышления. Это утверждение Рубинштейн формулирует следующим образом: «Мышление в собственном смысле слова – это проникновение в более глубокие уровни сущности вещей, вынесение на свет того, что до сих пор было скрыто в непознанных глубинах; это постановка и разрешение проблем бытия и жизни; это и поиск ответа и одновременно сам ответ на вопрос: „что такое реальность?“; совершенно необходимый для того, кто стремится выяснить, как жить подлинной жизнью и как действовать» (Рубинштейн, 1959, с. 53).

Слова «проникновение в более глубокие уровни сущности вещей» являются особенно значимыми, поскольку в них подчеркивается активность процесса мышления.

В процессе познания индивид устанавливает контроль над своим окружением, учится поддерживать целенаправленную деятельность при решении задач, приобретает способность к децентрации и адаптации к точке зрения другого. В то же время индивид учится все более осознавать себя как индивида и свое окружение как когнитивно постижимое и потенциально изменяемое. В этом процессе индивид становится субъектом, а вещь становится объектом. Теперь они находятся в субъект-объектном взаимодействии.

Теория социальных представлений как теория уровней познания

На мой взгляд, теория социальных представлений является прежде всего теорией уровней познания. Она направлена на обнаружение того, как индивиды и группы выстраивают относительно стабильный и предсказуемый мир на основе разнообразных явлений. В отличие от большинства других теорий уровней познания, теория социальных представлений имеет дело с взаимозависимостями между сознательными и рефлексивными процессами мышления, с одной стороны, и с бессознательными, привычными и автоматическими мыслительными процессами – с другой.

Когда социальные представления сформированы, они начинают жить своей собственной жизнью. Поскольку человек сразу после рождения попадает в социальное окружение, он принимает его как должное, как естественное физическое окружение. Подобно деревьям, скалам и рекам, языки, социальные институты и традиции создают панораму мира, в котором живет человек. Это социальное окружение существует для человека как его онтологическая реальность, то есть как нечто, подвергаемое сомнению лишь при определенных обстоятельствах. Недостаточно полное осознание человеком своего бытия придает силу этой принимаемой на веру онтологической реальности. Человек воссоздает онтологический статус своего социального окружения посредством своей деятельности, совершая это в значительной степени неосознанно, привычно, бездумно.

В то же время человек является активным действующим лицом. Он обладает определенными способами понимания, общения и воздействия на свою онтологическую реальность. Как только эта реальность завладевает мыслями человека, он прекращает неосознанно или автоматически воспроизводить свое социальное окружение. Он познает и переживает его осознанно. Во многих случаях изменения, возникающие в ходе деятельности человека, являются постепенными и их действие становится заметным лишь по прошествии некоторого времени.

Теория социальных представлений имеет дело прежде всего с нерелексивным мышлением и когнитивной глобализацией. Заякоривание* – это процесс обобщения, благодаря которому мир становится более простым и более управляемым. Человек справляется со сложностью мира, группируя события и объекты так, что с ними можно обращаться как с похожими или одинаковыми. Сходным образом объективизация перестраивает событие, которое было, скажем, сложным и неоднозначным, в нечто менее дифференцированное, похожее на то, что уже известно; тем самым событие конвенционализируется. Как только объект подвергся упрощению, мышление становится менее релексивным или вовсе нерелексивным. В такой упрощенной форме объект будет включен в социальное окружение индивида. В объективизированной и закреплённой форме этот объект будет циркулировать и воспроизводиться в мыслях и действиях индивида.

И закрепление, и объективизация являются характерными чертами развития человеческого познания в целом и социальных представлений, в частности. Оба эти процесса противоположны, хотя и комплементарны, самодифференциации и релексивности. Процессы обретения, сохранения и изменения знания включают и глобализацию, и самодискриминацию.

Конфликт между двумя формами познания

Мы полагаем, что фокусом теории социальных представлений являются процессы, противоположные и комплементарные к тем процессам, о которых пишет Рубинштейн (и, соответственно, тем, о которых идет речь и в теории научных понятий Выготского, и в теории мышления Болдуина). В частности, теория социальных представлений изучает, как и каким образом существующие в обществе формы познания и мышления «замораживают» развитие мышления индивида; как они препятствуют свободе мышления и навязывают определенный способ понимания слов, событий и объектов. Сила и власть социальных представлений состоит в их имплицитности, в недостаточном осознании индивидом их существования; чем менее осознаны социальные представления, тем они более сильны (Moscovici, 1984).

Таким образом, индивид может оказаться между двух огней. С одной стороны, образование и процессы научного исследования стимулируют развитие независимого мышления и эксплицитного выражения понятий. С другой стороны, структура существующего в обществе знания и непроговариваемые табу накладывают запрет на независимое мышление и стимулируют циркуляцию относительно стабильных и имплицитных воззрений. В случае, если индивид выйдет за пределы

* Заякоривание – закрепление. Якорь – фр. «анкер» – термин и понятие, разработанное В. Дуазом (W. Doise), учеником и единомышленником С. Московичи.

социально приемлемого знания и вторгнется в сферу табу, неведомую и непризнанную область мысли, он окажется на пороге опасности. Обсуждая социальный контекст мышления Ч. Дарвина, Х. Грубер (Gruber, 1974) указывает, что когда речь идет о подавлении идей и преследовании индивидов за их образ мыслей, по религиозным или политическим мотивам, обычно предполагается, что сначала у индивида рождается идея, а затем он подвергается гонению. Однако в рамках такого представления трудно понять, как эти идеи могут возникать и развиваться при социальном окружении, препятствующем возникновению каких-либо революционных мыслей. Дилемма Дарвина относительно его исходных идей об эволюции в контексте догматических религиозных убеждений привела к возникновению у него страха преследования на протяжении всей его творческой жизни. Его сомнения по поводу того, публиковать ли свои теории, отражены в его дневнике, где он пишет о преследовании ранних астрономов, подавлении ученых эпохи Возрождения и химиков и геологов XVIII и XIX столетий.

«Вещь» не является «объектом»

Э. Дюркгейм, рассуждавший преимущественно в рамках кантианской философии, предложил понятие «коллективных представлений» (collective representations) как устойчивых социальных фактов, независимых от деятельности отдельных индивидов. Он рассматривал коллективные представления как объяснительное средство, не поддающееся дальнейшему анализу, как элементы построения, а не как явления, имеющие собственную динамику и структуру (Moscovici, 1984, 1988). Иными словами, Дюркгейм оперировал «вещами» или «сущностями», но не объектами. Он считал, что отношения между индивидом и обществом имеют односторонний характер: индивид зависим от общества и именно общество формирует индивида. Хотя Дюркгейм рассматривал также развитие человека и его зависимость от общества как процесс противоречивый, он не разрешил этого противоречия применительно к индивиду. Ученый полагал, что индивид и его мышление и действия относятся к области психологии, а не социологии. Социальным сущностям приписывалось независимое существование, внешнее по отношению к индивиду и контролирующее его. Кант был последним из великих философов, отрицавших эволюцию, и Дюркгейм, вслед за ним, не обращался к идее социальных изменений и, соответственно, субъект-объектному взаимодействию.

Понятие взаимозависимости между социальными и индивидуальными составляющими относительно устойчивых (институционализированных) социокультурных феноменов можно проследить в философии экспрессивизма XVIII века. В социальных и гуманитарных науках на протяжении XIX и в начале XX века оно разрабатывалось в контексте ряда дисциплин. Например, в исследованиях языка (от В. Гумбольдта до М. Бахтина и Пражского кружка), в исследованиях психики

(М. Бубер, Дж. Болдуин, Д. Мид, Л. С. Выготский), в исследованиях человеческой деятельности (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев). Существенной характеристикой всех этих теорий является определение феномена взаимозависимости составляющих по отношению друг к другу как фигуры и фона. Таким образом, объект определяется через субъект, а субъект – через объект.

Теория социальных представлений и теория познания Рубинштейна предполагают существование взаимозависимости между субъектом и объектом. Рубинштейн отчетливо различает объект и вещь (объект и бытие). В то время как «вещи», или «сущности», существуют независимо от субъектов, объект и субъект являются взаимозависимыми. Деятельность субъекта оказывает влияние на объект, а объект воздействует на субъекта. Они обеспечивают развитие или изменения друг друга. Социальные представления тоже невозможно концептуализировать или эмпирически выявить независимо от мыслительных процессов и деятельности индивидов. Человек не только воспроизводит свою онтологическую реальность, но и включен также в эпистемологический процесс и в деятельность, в результате чего его онтологическая реальность изменяется.

ЛИТЕРАТУРА

- Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. № 4. 1986.
Gruber H. E. Darwin on Man: A Psychological Study of Scientific Creativity. London: Wildwood House, 1974.
Marková I. Paradigms, thought and language. London: Wiley, 1982.
Marková I. A three-step process as a unit of analysis in dialogue // The dynamics of dialogue / I. Marková and K. Foppa (Eds). Hemel Hempstead: Harvester, 1990. P. 129–146.
Mead G. H. Mind, Self, and Society. University of Chicago Press, 1934.
Moscovici S. Psychologie sociale. Paris: PUF, 1984.
Moscovici S. The Invention of Society. Cambridge, UK: Polity, 1988.
Newson J. The growth of shared understandings between infant and caregiver // M. Bullowa (Ed.). Before Speech: The Beginning of Interpersonal Communication. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1979. P. 207–222.
Trevarthen C. Communication and cooperation in early infancy: a description of primary intersubjectivity // Before Speech: The Beginning of Interpersonal Communication / M. Bullowa (Ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1979. P. 321–347.

С. Л. РУБИНШТЕЙН И КРИЗИС ПСИХОЛОГИИ

Ларс-Кристер Хайдён

В 1934 году увидела свет статья С. Л. Рубинштейна «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса». Леонтьев позже напишет, что она осталась незамеченной в момент появления. Тем не менее, эта статья была очень значима, поскольку представляла анализ положения психологии так, как оно воспринималось Рубинштейном в начале 1930-х, и содержала программу предотвращения состояния кризиса в психологии. В этой связи статья 1934 года является важным манифестом, охватывающим большинство последующих идей Рубинштейна относительно «марксистско-ленинской» психологии. Поэтому мой основной интерес будет сфокусирован на ее содержании.

В своем общем анализе кризиса психологии Рубинштейн не делает никаких добавлений к анализу, который осуществил Карл Бюлер (Buhler, 1929). Рубинштейн опирается на анализ Бюлера в этой статье, и в поздних работах, посвященных данной теме.

Относительно состояния психологии Рубинштейн начинает со следующего утверждения: «Современная зарубежная психология испытывает, как известно, кризис. Этот кризис, совпадающий вместе с периодом значительного развития экспериментального исследования, является <...> методологическим кризисом» (Rubinstejn, 1979, p. 11).

Этот «методологический кризис» подобен кризису, к которому обращаются Бюлер и другие: сдвиг между «старой» и «новой» психологией на протяжении 1920-х и 1930-х. Рубинштейн рассматривает кризис как рефлексию основного идеологического противоречия между идеализмом и материализмом. Кризис в психологии ведет к разделению различных направлений, враждебных друг другу.

Согласно Рубинштейну, кризис психологии явился результатом ложных понятий, которые можно было бы избежать, если бы психологии не необходимо было бы выживать как науке. Несмотря на то, что Бюлер установил причины кризиса отчасти другими понятиями, Рубинштейн, по-видимому, соглашается с ним в понимании кризиса